

БЕТЕХТИН ВАСИЛИЙ

Избранное

О море утром! Как прекрасная горбунья
— Кувшины ветра полные несет —
Сочится синий воздух новолуныя,
И сонной рыбой бьется небосвод.
Скользнет ли мидия, монета ли утонет —
Как будто кто-то в мире прокричал —
За сто веков томительные кони
Погонь и бурь выносят на причал.
Вот улыбнулись сонные ладони,
Вот промелькнули где-то в глубине.
Целуешь камни Крита и Японии,
Целуешь сердце бешеное мне.
Как по груди протопчется ребенок,
Пройду к тебе, к дыханью, на Босфор,
Чуть продымя, бумажный пароходик,
И никого не встречу с этих пор.

* * *

Август. Одиннадцать. Солнечный воздух утрат.
Август. Так поздно. Так позднее сердце.

Так рано.

Будто легчайшие в небо плывут острова,
В призму стакана.

Август. Одиннадцать. Долгой ценой молчанья
Вышел резной, золоченый, закрученный лист.

Без колебания кровь выдыхает звучанья
Радостных рифм — олышу: певчий стоит пересвист,
Я в листопаде. Немного смущенья. Свеченье.
Первый овой лист я кладу тебе вновь на висок.

Где же ты бродишь, в какие попала значенья.

Озолоченный, просвиотанный светом лесок?
 Август. Одиннадцать. Где-то в мансарде Парижа
 Краски кладет на глаза и в распазнутый рот.
 Поудивляйся. Я солнечным буду и рыжим --
 До удивления. Весь этот вспыхнувший год.

Где-то ты здесь и бренчишь мелочивкой, ключами.
 Убережешься ли? Холодом нежным в лопатки
 Льет мое золото. Плечи обхватишь руками --
 С места не трону -- ко мне убежишь без оглядки.
 Так далеко, и уже своих птиц провожаю.
 А в листопаде так доброе сердце звенит! --
 Где тишина золотая, сырая, лесная, --
 Слышишь: -- Ау! -- Как горит, говорит, говорит...
 Август. Одиннадцать. Долгие звуки метельниц.
 Абрио твой нежный мне воздух во мне показал.
 Вновь ты приходишь. И онова метелишь, метелишь --
 Там, где я листьями овета лечу наповал.

***

Твои играющие стаи!
 Глазами тяжелой воды,
 Я солнечные горностаи
 Слежу из сумрака звезды.

Вдруг снег копной с акаций ахнет,
 Течет сосулек борода.
 И деревянный домик чахнет,
 И льется шепотом вода
 В стакан на улице дремучей,
 Где теремной, где темный свет
 Стоит зимующей тучей.
 И в хрустале собачий олед
 Дрожит, отчаянно синевя,
 На крыше -- солнце и мороз,
 На деревьях, деревенея --
 Ресницы сыплющихся слез.
 Идет туда -- сюда лепечет:
 Так много воробьиных крыл! --
 И вечер воздуху на плечи

Ресницы смуглые сложил.

А мастер-ветер лист кленовый

Надел сирени на рога,

И в пустоте, капелью клёванной,

Не иероглиф, — карагач.

В твои серебряные веки,

В твои серебряные ветки

Ручьем проникну, крошка — трюф.

Ах, этих дней слепые реки

Сосуд сосульки, как пипетки,

Преображаясь в дальний гром.

- Снега, снега... шаги чужие,

Хруст наста, шум из серебра,

И сумерки стоят нагие

В неизреченности добра.

И так хлопочут оветотени

Навстречу сну и февраль,

Что только рухнешь на колени:

— Не понимаю, и люблю!

Жизнь — женщина, непостиженье,

Идет, как бы творя обряд

Преображенья с пораженьем,

И поцелуи зим горят!

***

Молекулы, частицы, светляки

опять рассеет время надо мною:

поток и взвесь, песчинки, голооки

той, что когда-то мне была сестрой.

Она прошла, состарилась, устала,

и — нет, и календарь протерт до дыр.

А было — глаз тревожных не спускала,

а было — встреч ненужных не искала.

и диктовала день — угрюм и сир.

Замученный — ни радость, ни печаль,

заснеженный, едва не: зачумленный,

затерянный, затерянный февраль, —

ослепленный, оставленный, бездомный, --
там далеко, там далеко -- до завтра,
и до сегодня, и почти не виден,
соавтор света и веоны соавтор,
еще живой, не слышится и стыден, --
прошел февраль, прошел февраль, прошел!
В какие дыры просочиться дымом,
печаль моя, печаль, моя печаль,
к недоубитым и недолюбимым?

Прошел февраль, прошел февраль, прошел!
Как бы прожить сейчас, прожить, как бы прожить,
сестра, твой страх, твой талый корешок --
как не убить, как не убить, как не убить?

Кочует март по серым феврялям,
срастаются во времени обрывы.
Пока мы ждем и помним -- пополам,
мы будем живы, будем живы, будем живы!...

КРОВЬ СОЛОВЬЯ

I

В Гефсиманском саду.
Имя мне: -- Иисус.
Горизонт пошатнулся в луне.
Соловьиная кровь
настоялась на льду,
и горит ее гимн -- полонез.
Но за что, но за что этот
страшный искуc,
господин мой, мой страшный родитель! --
Или в небе тебе
не хватает крестов?
Но зачем же так скоро, Учитель?
В руку, полную звезд,
что там голубь души:
так огонь на себя вызывает.
Все и так,
словно медленно оладостный гвоздь

к этой чести меня прибывает.

Ах, как реки-порт!
Всю бы правду испить
в той предутренней, длинной роое!
Соловьиною смерть
дай мне, Боже, избыть —
эту ночь и недолгий рассвет.

II

В Гефоиманском саду
Соловьиная ночь,
и земля пошатнулась, крича.
Кто ты есть, кто ты есть,
Человечья ли дочь, —
лунный олепок очей и плеча!
Дай конусь твоих рук,
дай возьми твоих глаз,
соловьиного света простуда;
заколдованный круг:
это — свет, это — сад,
я люблю, мое имя — Иуда.

Но за что мне, за что
это — в нежнрсти лба,
это тьмы голубре дыханье,
эта тайна и ночь,
эта смерть и судьба,
это правд и неправд отрицанье!

Разрывается сердце ночное, горя,
горе сладкое пьет
птичью кровь и веселье...
Что-то снова умрет,
если встанет заря
этой грустной ночью весенней.

Как два сердца когтит
соловьиная кровь, —
грудь одна, двуедино — дыханье.

Разверзается звездная.

грудь облаков.

Свято Слово. Пресвято. --- молчанье:

ГАДАНИЕ

Александрю Соколову

Вот в небо брошена колода быстрых карт:
летят по воздуху фигуры, короли.
Чему ты рад, чему потом не рад,
иди, узнай на тот конец земли.
Гадает небо, плачет листопад,
и пеплы теплые под облаком толпятся.
Ну, загадай на сон, осенний сад,
какие птицы к нам не воротятся.
Запоминай нас, на груди согрей,
как первый мой ноябрь в двери входит,
среди облаков, вралей и звонарей,
где мать моя на снег сырой нисходит.
Судьба сложилась в стае и снялась.
Семерка пик вела ее и пела ---
из ниоткуда, где-то, поднялась,
и так всю жизнь, как песенка, летела.

Бубновый туз на веточке повис.
Трефовый вальс на облаках играет,
И смотрит головой одной вниз
старик в короне: голуби слетают
с карнизов, подоконников и крыш,
как целый день газеты и афиши
пророчат послезавтрашнюю тишь,
и как позавчера их точат мыши.

Какая тишь, бездоннейшая тишь,
как футурологи недавно нагадали
мгновение, которое молчишь,
стоишь, где до того года стояли.
О чем тоска твоя --- поди узнай:
на том краю земли ответ про сердце.
А времени пылает малахай,
и волосы --- соль смешанная с перцем.
От комбинаций облаков и лет
зависит то-то, это не зависит,
где: эта жизнь на веточке висит,

и этот овет,
и шум сухой и лисий.

Подуй на солнце — станет горячо.
А ты и сам, мой листик бледнолицый,
летишь свечой, горишь, дымишь еще —
под-ноги, где разгуливают птицы.
Как длинноноги их следы-сады!
Нв что же в воздухе они про нас напишут?
Темна беда воды, вода беды,
и машут хриплыми крылами крыши.

Ж И И

Пришли дожди на мягких серых лапах.
Как холодно душе твоей опавшей:
Среди листвы ушедшей и пропавшей.
Пришли осенние гремучие дожди.
На север небо долго поспешает.
Уже предзимний тайный холодок, —
Он кромки лет не порет, не ошивает,
Тумана медленного медленный глоток.
Куда вам плыть, осенний мой король,
Куда вам плыть, спокиннутый корабль?
Бегудим крысам: уготован рай,
Но нам! какая в этом мире роль?
Темны твои следы, сентябрь лютый.
А как пищит под сумраком трава!
Она жива, она почти права.
Ей умирать: о минуты на минуту,
И шарит в пустоте незарождение,
И хочет лишь возможного песок.
А там и: снег — так бел и так высок, —
Невозражение и невозрождение,
В стареньи, ветров нет ничьей вини,
Стоят пусты они, гулки, как коридоры,
И пыльны, и как слезы солонны,
И ночь их брожения и осоры,
Движения — такой тоской сулят,
Что лучше о небом не шутить, не знаться;

Что лучше ничего тебе не знать,
Сентябрь, и со мной не расставаться.

МАРИНА

И сердце сорвалось — ввалила, вломилась,
с дымящимся небом, — не вал голубой! —
оквозь стекол осколки рыдают марнила,
и вольного грохота валится бой.
Я чувствую: море... Я чувствую: море! —
Шипящую массу и: вечер воды —
соленую, свежую, едкую горечь,
и сумрак, и счастье, как подступ беды.
В сиропе заката глотнуло — могила.
И — хор с Антигоной; и зелень шипит,
и солнце в холодные входит горнила
яйлы и листовы, и лиловой степи.
А море бросает цветы и подносит
бутылки и красную пену к ногам.
Я снова один, как закат на подносе,
и ветер к турецким, гребет берегам.
В каких там глубинах покой запредельный?
Быть может, по Данту, под хлябями — ад,
но вопли проносятся над Корабельной
плакучей бухтой, и звезды горят.
И грома! и ирака! — До умалишенья!
И старой гитарой скала дребезжит,
и катятся рыбы в падучем окольженьи
огромной, прозрачной и легкой воды.
На грудь и на плечи: В вечерней оправе.
И бризги, и капли по черным камням!
И парус, моргая, бежит к Балаклаве,
как бледная свечка по темным холмам.
И вправду ты, море! Я берег отрину,
я только родился — я сбрендил, я спятил,
я в пульсе наката, я след твой, Марина,
и первой триремы сорвавшийся якорь.
Как с выходом рыб на соленую сушу,
пра-прашур мой жабры сжигал на огне
каленного ветра — сушеную душу
несет и качает на оладкой волне.

И в губы влетят виноградины капель, ---
Всю песню, всю полночь не вылить в стакан! ---
Когда бы возможно, я б штормами запил,
и в штиль бы прошел, как туман в океан.
Барахтаясь, гда-то, оовсем в Дарданеллах,
к Ахейскому морю, и в архипелаг:
--- За дальнюю память, за то, что поомела, ---
последнее море, последний кабаки

* * *

Все птицы голоса твоего ---
Пера не легче --- летящий голос
Из послушания моего.
И только трону --- так тонк волоо: ---
Листом гусиным, по тени дня,
Плывет над ястребом листопада,
Сто голых рук твоих осеня.
Гори же, бешеная лампада.
Огня и холода огневого
От аердца вечного и притленного,
От счастья полного и окупого,
От неба синего и амирренного!

* * *

На склоне августа, се оклона золотого,
От склона лба прокатится твой взгляд
До склона неба --- легкого, (пустого,
Какого и слова не тяжалат.

Ко лбу ладонью --- темное свеченье.
На всем на этом: --- ангела крыла,
И миг назад --- звучит благовещенье,
Не колыхая славы купола.

Ты не поймешь, о ком такой покой
На склоне дня, ты жизнь увидишь снова:
Как лист один на тополе --- свечой,
И лишь его еще колеблет слово.

Х Х Х

(Или свиток в шкатулке,

Источилоя песком?)

И свои переулки

Проскользаю пешком.

Серой глины одышка ---

Криворотный словарь:

И бульжная шишка. * --- *

И подбитый фонарь.

Исторический памятник. ---

Беспросветная мумия. ((((

Не намаешься, маятник, --- ((((

Вождельнем, безумия? ((((

Автомат обесточен.

Телефон обезврежен.

Убывающий точен. ((((

Провожайший нежен. ((((

Пошевелится ветер,

Глупо звякнет крючок.

В постороннем столетии

Стрекочет сверчок. * --- *

Или хочет проснуться

И не может --- теперь? ((((

Там окрипя оглянуться --- ((((

Вздумала дверь.

Или что-то приметив? --- ((((

Молча глухнет белье ---

В копошащейся Лете. --- ((((

Бейся, сердце мое, ((((

Усмехайся в оконце: ((((

Кто увидит вдали --- ((((

Как вчерашнее-солнце ((((

Полыхает в пыли? ((((